

A surreal city street at night. A large, bright full moon hangs in the sky above a street lined with tall, dark skyscrapers. In the foreground, the silhouettes of a man and a woman stand facing each other on either side of a glowing yellow line that stretches down the center of the road. The scene is misty and atmospheric.

Флекс Гувер

2052

Флекс Гувер

2052

<https://litres.ru/74417149>

SelfPub; 2026

Аннотация

2052 год. Мир разделён на мужскую и женскую половины. Жить на одной улице, работать в одном офисе, любить — запрещено. Роботы-заменители стали нормой, а настоящие чувства — самым опасным преступлением.

Джейсон Блейк — инженер, который живёт по правилам. Пока однажды ему не начинает сниться женщина. Не просто сон — целая жизнь, в которой они вместе. В том мире нет разделения. В том мире есть она — Лора.

Просыпаясь, он понимает: так больше нельзя. Он найдёт её. Даже если для этого придётся притвориться роботом, пересечь линию, рискнуть всем. Даже если завтра его посадят на пять лет.

Но он не знает, что Лора видит те же сны. Что их встреча — не случайность, а часть плана, который изменит историю. И что за разделённым миром стоит человек, готовый уничтожить любого, кто осмелится полюбить по-настоящему.

Содержание

2052	4
2052	6
Часть первая. Жёлтые и синие	7
Глава 1. Жёлтое утро	7
Глава 2. Синее утро	38
Глава 3. Двойной сон	62
Конец ознакомительного фрагмента.	73

2052

2052

Роман

Содержание

Часть первая. Жёлтые и синие

Глава 1. Жёлтое утро

Глава 2. Синее утро

Глава 3. Двойной сон

Глава 4. Двойник

Глава 5. Прямой разговор

Глава 6. Каса Бланка

Глава 7. Любовь и лекарство

Глава 8. Шах и мат

Часть вторая. Сеть

Глава 9. Камера

Глава 10. Правда и ночь

Глава 11. Человек по имени Пол

Часть третья. Сопротивление

Глава 12. К-волны

Глава 13. Жёлтый план

Глава 14. Аэропорт

Глава 15. Победа

Глава 16. Освобождение

Часть четвёртая. Исход

Глава 17. Сеть против сети

Глава 18. Пятьдесят секунд

Глава 19. Свобода

Глава 20. Эпилог

Приложения

2052

Роман

Часть первая. Жёлтые и синие

Глава 1. Жёлтое утро

Квартира на девятом этаже тонула в мягком утреннем свете. Светло-лимонные стены спальни, покрашенные когда-то под заказ, в серые декабрьские часы казались почти солнечными; на подоконнике выстроились горшки с травами — базилик, мята, две веточки розмарина, — и от них в комнате держался лёгкий пряный запах. По стенам гостиной висели фотографии: он, Алан и Крис на пляже, отец за штурвалом, старый городской мост на рассвете. В углу, на стеклянном столике, стояла недопитая чашка вчерашнего чая — единственная примета того, что здесь вообще кто-то живёт.

Голографический экран умного дома был выключен; лишь пульс зелёных точек отсчитывал время до пробуждения, как биение сердца какой-то огромной машины, что дышит за стеной.

Джейсон спал и видел сон.

Ему снился парк — не такой, как всегда, не с синими табличками и стеклянными стенами, а открытый, тёплый, где деревья стояли без всякого порядка, где по траве ходили пары. Он шёл по аллее и держал за руку девушку. Он не видел её лица, но знал её, чувствовал её ладонь в своей — тёплую,

живую, настоящую. Они много говорили и смеялись, им было легко. Вдруг она повернулась к нему, и он увидел глаза — карие, с золотыми крапинками, смотревшие на него так, будто он был единственным человеком на земле.

— Ты придёшь? — спросила она.

— Приду, — ответил он, не зная, о чём она.

— Обещай.

— Обещаю.

И мир дрогнул и погас.

Зазвучала музыка — сначала мягко, едва слышно, потом сильнее, и наконец приятный компьютерный голос произнёс:

— Пожалуйста, проснитесь. Восемь тридцать, как вы просили.

— Понял. Выключить.

Музыка растворилась в воздухе. Джейсон открыл глаза, щурясь, сел в кровати. Мобильный модуль за ухом, спавший всю ночь, ожил и загорелся ярко-зелёным.

Он потянулся, и образ девушки из сна — карие глаза, тёплая ладонь — ещё висел перед глазами. Джейсон потёр лицо ладонями, пытаясь удержать его. Но сны — это сны, в реальности есть работа, кофе и суббота.

И всё же что-то не отпускало его. Обычно сны стирались к завтраку, растворяясь, как сахар в воде. А этот — нет. Этот держался за него: тёплая ладонь, которую он всё ещё чувствовал в своей, смех, от которого где-то в груди разливалось солнечное тепло. Джейсон посмотрел на свою руку — пу-

стую, обычную — и поймал себя на странной мысли: а ведь он даже не видел её лица. Только глаза. Карие, с золотыми крапинками.

— Странно, — сказал он вслух, и голос прозвучал в пустой квартире глухо. — С чего бы мне это снилось?

Он мотнул головой, отгоняя наваждение. Сны есть сны. Сегодня суббота, у него свидание, и всё впереди — обычная, нормальная, ненарушенная жизнь, о которой только и можно мечтать.

— Ладно, поехали. Один эспresso и три тоста!

Он прошёл в ванную — из-за двери доносился шум воды, затем всё стихло. Когда вернулся на кухню, чашка горячего эспresso и три тоста уже ждали его на столе — над чашкой поднимался пар, тосты хрустели, и из-за стены слышно было, как в соседней квартире кто-то включил радио. Он нашёл козий сыр и мёд, намазал на тосты и начал свой субботний завтрак, глядя в окно на серые улицы.

По субботам Джейсон любил сам ходить за покупками, чтобы пополнить холодильник. Конечно, можно было заказать всё через сеть — тот же супермаркет доставил бы продукты минута в минуту. Но он любил сам выбирать: разглядывать овощи, трогать фрукты, перебирать банки, прежде чем положить их в корзину. В магазине ему нравился и этот гул — гудение холодильников, шорох пакетов, писк касс, переговоры продавцов, — в нём было что-то живое, настоящее. Это было его маленькое восстание против безупречно отла-

женного мира — единственная вещь, которую он делал «как раньше», не понимая даже, откуда в нём эта привычка. Отец так ходил в магазин. Джейсон помнил его большие руки, перебирающие яблоки. Ему тогда было лет шесть, и мир ещё не знал разделения.

Он взял тележку и пошёл по рядам. Молоко, яйца, хлеб, сыр — он брал то же самое, что и всегда, но делал это медленно, вглядываясь в каждую упаковку, будто искал что-то, чего не было на полках. Он остановился у стеллажа с вином, провёл пальцем по бутылкам, выбрал одну — сухое красное, которое ему понравилось когда-то по чистой случайности, и с тех пор он брал только его. Он держал бутылку в руках, читал этикетку, хотя знал её наизусть, и думал о том, что завтра, возможно, они будут пить вино вместе. Она и он. В одной комнате. На одной стороне улицы.

У кассы он расплатился — модуль пискнул, списав сумму, — и кассир, мужчина лет пятидесяти с усталым лицом, машинально упаковал покупки в сетчатые пакеты. Джейсон взял пакеты и направился к выходу, но задержался у стеклянных дверей на секунду, глядя на улицу: по противоположной стороне шли женщины — с сумками, с детскими колясками, с планшетами в руках, — обычные, живые, занятые своей обычной жизнью. Он смотрел на них и спрашивал себя, не идёт ли среди них та, что снилась ему. Он не знал ответа. Но что-то подсказывало ему: скоро узнает.

Сегодня это заняло чуть больше времени, чем обычно, и

он слегка опаздывал. К тому моменту, когда он распаковал всё и загрузил холодильник, он опаздывал уже минут на десять.

У него было свидание. И он хотел быть у парка ровно в двенадцать.

Он встретил её неделю назад в музее — случайно, на выставке, где она стояла перед картиной, закусив губу, и смотрела так, будто картина была живая. Джейсон заговорил с ней — первый раз за годы, когда он заговорил с женщиной просто так, не через стекло и не через экран.

— Вам нравится? — спросил он, кивнув на полотно.

Она не обернулась сразу, ещё несколько секунд разглядывала картину — вечернее море, лодка у причала, фигура женщины на берегу, — и лишь потом повернулась. Вблизи она оказалась даже лучше, чем со спины: тёплые карие глаза, лёгкая улыбка, ямочка на подбородке.

— Нравится, — ответила она. — Я люблю такие картины. В них есть тишина.

— Тишина?

— Ну да. Смотрите: море, лодка, никого кругом. Хочется просто стоять и дышать.

Джейсон посмотрел на картину, потом снова на неё.

— А я бы, наверное, сел в эту лодку и уплыл, — сказал он. — Подальше от города.

Она рассмеялась — легко, открыто, и смех этот прозвучал в тихом зале неожиданно громко.

— Вы всегда такой — сразу в лодку?

— Только когда вижу, что она хорошая.

И она ответила. Они проговорили три часа — переходя из зала в зал, останавливаясь то у одних, то у других картин, рассказывая друг другу о себе, — пока охранник не попросил их покинуть зал, потому что музей закрывался.

«Почему я так нервничаю? Или это не нервы? Может, на этот раз что-то серьёзное. Может. Я просто не мог дожждаться, когда увижу её», — признался себе Джейсон, глядя в зеркало и завязывая галстук. Он торопился, но у него оставалось ещё пару свободных минут. Он ненавидел опаздывать, когда назначал встречи.

Из зеркала на него смотрел высокий, подтянутый мужчина тридцати двух лет с короткими тёмно-русыми волосами и серо-голубыми глазами, в которых обычно светилося спокойное внимание инженера, привыкшего разбирать задачи на части. Но сегодня глаза эти были взволнованными. Костюм он выбрал тёмно-серый, в тонкую полоску, с голубой рубашкой — вещи дорогие и ладно сидящие, но Джейсон никогда не умел носить их с той небрежной лёгкостью, которая даётся от рождения. За окном его квартиры, на девятом этаже, виднелась широкая панорама города: река, мосты, серые офисные башни — знакомый, спокойный, ненарушенный пейзаж, в котором, если приглядеться, почти не было заметно ни линий, ни стеклянных перегородок, ни букв M и W.

Он поправил узел галстука, бросил последний взгляд на отражение и, захватив с вешалки пальто, вышел из квартиры. В подъезде было слышно, как за стеной лифта гудит трос, как где-то этажом ниже захлопнулась дверь; за дверями подъезда, на улице, шумел утренний город — гул машин, дребезжание трамвая, дальний свисток. Свежий ветер с реки ударил в лицо, шевельнул полы пальто.

— Входящий звонок от Алана, — объявила система.

— Чёрт! Принимаю.

— Привет, Джейсон! Ты нам нужен сегодня вечером!

— Привет, Алан! Слушай, у меня нет времени болтать!

— Всего минуту! Приходи в «Рай ковбоя» к одиннадцати. Крис раздобыл приглашения на всех нас. Повеселимся от души!

— Боюсь, не смогу.

Джейсон помолчал и добавил:

— У меня сегодня свидание. Кажется, я нашёл ту, кого искал...

— Эй, мы тебя две недели не видели, старина! Но я понимаю. Ладно, приятного свидания! Крис будет ревновать!

— Спасибо, Алан. Мне пора. Завтра расскажешь, как всё прошло!

— Конечно. Береги себя!

— Да, ребята, повеселитесь. А я пошёл.

Он нажал отбой и сунул телефон в карман. Алан звонил, как всегда, в последнюю минуту — и предлагал, как всегда,

то, что Джейсон делал сотню раз до этого: пятница, клуб, коктейли, роботы, утро с головной болью. Раньше он соглашался не задумываясь. Потому что не было причин отказывать. Не было другого плана. Не было человека, ради которого стоило бы пропустить пятничную вечеринку. Теперь был. Раньше его пятницы были пустыми — заполненными шумом, который заменял тишину, которую он боялся слышать. Теперь в этой тишине был голос. Её голос. И он не хотел менять его ни на какой клуб.

Джейсон поймал себя на улыбке — глупой, широкой, почти мальчишеской, которую он не мог сдержать. Он шёл по улице, и люди оборачивались на него, потому что взрослый мужчина в сером пальто улыбался в пустоту, как ребёнок, которому подарили щенка. Ему было всё равно. Он думал о том, что через двадцать минут увидит её — и внутри разливалось то самое тёплое чувство, ради которого стоило жить.

Ускоренным шагом он преодолел три квартала, лавируя между прохожими на своей стороне, и завернул за угол, туда, где начинался парк. В лицо пахло влажной листвой и осенней свежестью. Он перешёл на бег — лёгкий, почти неслышный, — и через минуту уже стоял у входа, глядя на аллею, уходящую вглубь. Сердце колотилось, но не от усталости. Он ждал её. И она пришла.

Он положил трубку, и в ушах ещё гудел голос Алана. Джейсон улыбнулся, вспомнив, как вчера вечером, собравшись с духом, набрал номер Лоры. Он трижды открывал кон-

такт и трижды закрывал — прежде чем нажать «вызов».

— Алло, — ответила она, и голос у неё был такой, будто она ждала его звонка.

— Это Джейсон. Мы... вчера говорили о том, чтобы встретиться. В парке. Если ты ещё не передумала.

Она тихо рассмеялась в трубку.

— Я не передумала. Завтра в двенадцать, у скамейки у пруда?

— У пруда. Я буду.

— Я тоже. Спокойной ночи, Джейсон.

— Спокойной ночи.

Он долго смотрел на телефон, на погасший экран, на чёрное стекло, в котором отражался он сам — мужчина, который только что договорился о свидании и боится, что это сон. Он никогда не был так счастлив. И никогда не был так напуган. Счастье — это ответственность, подумал он. Когда ты один, ты отвечаешь только за себя. Когда ты счастлив с кем-то, ты отвечаешь за двоих. И за то, чтобы это счастье не разрушить.

Он поставил телефон на зарядку, прошёл на кухню, налил себе воды. Стоял у окна, смотрел на ночной город и думал о том, что завтра в двенадцать он увидит её. Что между ними — только ночь. Только сон. Только несколько часов, которые нужно как-то прожить, чтобы снова оказаться рядом с ней. Он никогда не ждал утра с таким нетерпением. Даже в детстве, перед днём рождения. Даже перед выпускным. Он

думал, что разучился ждать. Оказывается, он просто не знал, ради чего ждать.

Утро следующего дня выдалось ясным, но ветреным. Джейсон проснулся за час до будильника — лёгкий, без обычной тяжести в теле, без привычного желания нажать «дремать» и провалиться обратно в сон. Он встал, принял душ, побрился, выбрал рубашку — не первую попавшуюся, а ту, что сидела лучше всего, светло-голубую, с запонками, которые подарил отец на окончание университета. Он смотрел на себя в зеркало и не узнавал человека, который смотрел на него оттуда: у этого человека были ясные глаза, ровная осанка и лёгкая улыбка, которую он не мог сдержать, даже когда никто не видел.

Он весь вечер не находил себе места — ходил по квартире, включал и выключал музыку, смотрел на телефон. Теперь, вспоминая это, Джейсон снова почувствовал, как внутри разливается то странное, тёплое нетерпение, с которым он не спал до двух ночи.

Он вспоминал их разговор по телефону — как она смеялась, как её голос теплел, когда она говорила «до встречи». Вспоминал, как трижды открывал её контакт и трижды закрывал, потому что боялся, что она не ответит, или ответит, а он не найдёт слов. Вспоминал, как наконец нажал «вызов» — и как сердце провалилось куда-то вниз, когда в трубке раздался её голос. Вспоминал, как после звонка стоял в коридоре, прижимая телефон к уху, хотя разговор давно закон-

чился, и слушал короткие гудки, как музыку.

Он не был влюблён со школы. Не то чтобы не пробовал — просто в этом разделённом мире всё было устроено иначе. Отношения заказывали. Чувства заменяли роботами. Близость нормировали, как продукты. И он, как все, привык — пока однажды в музее не увидел её перед картиной с лодкой и не понял, что тридцать два года, прожитые без этого, были пустотой. Что он всё это время ждал. Сам не зная, чего ждёт.

Джейсон прошёл к комоду, мимо стеклянного столика и белого кожаного дивана. Взгляд зацепился за подростковое фото: он, Алан и Крис, улыбающиеся, обнявшись, на фоне летнего парка. Алан строит рожки Крису.

Аллеи Центрального парка были влажными после ночного дождя. Жёлтые клёны горели в низком осеннем солнце, вокруг всё было усыпано мокрыми золотыми листьями, которые мягко шуршали под ногами и, срываясь с веток, шелестели на ветру. Где-то вдалеке каркали вороны, шумел город — приглушённо, сквозь деревья, — а с пруда доносился мерный плеск вёсел. Была осень, но в груди у Джейсона полным ходом шла весна. В свои тридцать два он испытывал это впервые с такой силой. Мир выглядел другим. Она была тем человеком, ради которого он готов был жить, забыв о себе.

Джейсон остановился у скамейки, где они должны были встретиться. Она опаздывала. Мимо прошёл старик с собакой, пробежали два бегуна. Парами гуляли по парку и сидели

на скамейках. У Джейсона было время понаблюдать за ними.

Он смотрел, как двое молодых сидят на скамейке и смеются над чем-то своим, как пожилая пара медленно идёт по аллее, держась за руки, — и не мог наглядеться. В этом мире люди были вместе. Никаких линий, никаких букв M и W, никаких стен из стекла. Здесь мужчина и женщина могли идти рядом просто потому, что им так хотелось. Джейсон смотрел на них и чувствовал, как внутри разливается тёплое, почти забытое спокойствие — будто он наконец вернулся домой.

Она появилась в одной из аллей. Шла чуть быстрее обычного — волосы цвета тёмного каштана, собранные в небрежный хвост, развевались на ветру; рыжевато-коричневое пальто до колен было распахнуто, под ним — тёплый свитер крупной вязки и узкие джинсы. Несмотря на спешку, она двигалась легко и плавно, как человек, привыкший к спорту, — и Джейсон за секунду успел разглядеть и ямочку на подбородке, и россыпь веснушек на переносице, и то, как она улыбнулась, заметив его. Джейсон шагнул навстречу. Она ускорила шаг — и через мгновение они стояли друг напротив друга, и он видел её глаза, карие, с золотыми крапинками, те самые глаза из сна, и не мог поверить, что они смотрят на него наяву, в этом парке, в этом мире, где всё было возможно.

— Лора!

— Джейсон!

Она улыбнулась, и Джейсон почувствовал, как земля ухо-

дит из-под ног. Всё, что он готовил сказать, растворилось. Он просто стоял и смотрел на неё, а она — на него, и оба знали, что это не просто знакомство.

Они ходили в парки, кино, музеи и рестораны. Говорили обо всём часами — и казалось, этого всегда мало. Джейсон чувствовал внутри что-то настолько сильное, что делало его одновременно королём и рабом, и этому невозможно было противостоять. Это чувство было настолько явным, что весь он становился этим чувством. Джейсон тонул в нём и уже не находил себя.

— Расскажи мне про себя, — попросила она, когда они сидели на скамейке, глядя, как солнце садится за деревья.

— Что именно? — Джейсон не знал, с чего начать. Рассказывать о себе он не умел — не было привычки, не было повода.

— Всё. Чем ты живёшь. Что тебя радует. Что пугает.

— Радует — вот это, — он обвёл рукой парк, солнце, её. — А пугает... пугает то, что я не помню, когда последний раз был так счастлив. И не понимаю, почему это происходит со мной именно сейчас.

Лора помолчала, потом тихо сказала:

— Я тоже.

Они ещё немного посидели молча, глядя, как солнце садится за деревья. Потом Лора вздохнула и улыбнулась:

— Ну ладно. Тогда расскажу я. Я работаю в маркетинге, в сети спортклубов. Придумываю, как сделать так, чтобы лю-

дям хотелось ходить в зал и заботиться о себе. До смешного просто, правда?

— Не смешно, — ответил Джейсон. — Звучит так, будто ты делаешь людей чуть счастливее.

— Стараюсь. А ты?

— Я инженер. Работаю с полупроводниками, проектирую чипы. До смешного скучно, правда?

— Не скучно, — сказала она, глядя на него. — Звучит так, будто ты делаешь мир чуть умнее.

Он рассмеялся — легко, свободно, как не смеялся давно.

— Мы только что обменялись комплиментами через отрицание. Что скажешь, это хороший знак?

— Думаю, да, — ответила она. — Самый лучший.

И это простое признание связало их крепче любых слов.

Они сидели на скамейке, пока солнце не начало клониться к закату, и тени от деревьев вытянулись, пересекли аллею и поползли вверх по стволам. Джейсон смотрел, как свет меняется — сначала золотой, потом оранжевый, потом розовый, — и думал о том, что давно не замечал, как красиво выглядит этот парк в такое время. Он привык смотреть на город, на улицы, на линии — и не видеть их. А теперь, с ней рядом, он видел всё: каждую ветку, каждую пылинку в луче солнца, каждую морщинку на её лице, когда она улыбалась.

— Ты знаешь, — сказала она вдруг, — я ведь никому не рассказывала об этом. О том, что мне снится один и тот же человек. Я думала, что схожу с ума. Даже к врачу хотела пой-

ти, выписать тот самый Тизекс, о котором все говорят. Но не пошла. Потому что где-то внутри я знала: это не болезнь. Это что-то другое.

— Что же?

— Не знаю, — она пожала плечами. — Может быть, надежда. Я думала, что если выпью таблетки и забуду — я потеряю что-то важное. Что-то, что я искала всю жизнь. И я решила: лучше я буду сумасшедшей, но с надеждой, чем здоровой, но без неё.

Джейсон взял её за руку, и она не отняла.

— Ты не сумасшедшая, — сказал он. — И я тоже. Мы просто... настроены на одну волну.

— Ты правда так думаешь?

— Правда.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько тепла, что Джейсон почувствовал: он готов ждать её всю жизнь. Даже если это будет длиться вечность.

Они сидели на скамейке, пока солнце полностью не скрылось за деревьями, а воздух не стал холодным. Лора поёжилась, и Джейсон, не спрашивая, снял пальто и накинул ей на плечи. Она улыбнулась, запахнулась в него и сказала, как пахнет тобой, и он ответил, что это хорошо, что это по-настоящему. Он смотрел, как она кутается в его пальто, и чувствовал, что готов отдать всё, что у него есть, чтобы этот момент никогда не кончался. Чтобы она всегда сидела рядом, улыбалась, пахла его пальто и смотрела на него так, будто он

— единственный человек на земле.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросила она. — Что угодно. О чём ты молчишь, когда остаёшься один.

Джейсон задумался. Никто никогда не задавал ему этого вопроса. Никто не хотел знать, о чём он молчит, когда остаётся один. Он сам не знал, есть ли у него ответ.

— Я молчу о том, — сказал он медленно, — что боюсь, что это всё не по-настоящему. Что я проснусь — и никого не будет. Ни тебя, ни этого парка, ни этого вечера. Только пустая комната и синий модуль за ухом.

— Это не сон, — сказала она тихо. — Я здесь. Я настоящая.

— Я знаю. Но я всё равно боюсь.

— Тогда я буду доказывать тебе это каждый день, — ответила она. — Пока ты не перестанешь бояться.

И это простое признание связало их крепче любых слов.

Они шли по аллее, и осень ложилась вокруг них золотом. Лора взяла его под руку — просто так, без всякого стеснения, и Джейсон снова поймал себя на том, что не может поверить. Она идёт с ним рядом. Она держит его за руку. Никто не оборачивается, никто не свистит в свисток, никто не разделяет их на две половины улицы. Они просто двое — мужчина и женщина, — и это самое обычное дело на свете, о котором в его реальной жизни нельзя было даже мечтать.

— Ты задумался, — сказала Лора, когда они прошли уже

половину аллеи.

— А? Да. Просто... — он запнулся, подбирая слова, которые не звучали бы безумно. — Просто мне хорошо. Так хорошо, что даже страшно.

— Страшно?

— Вдруг это закончится.

Лора остановилась, посмотрела на него, и глаза у неё стали серьёзные и тёплые одновременно.

— Всё когда-нибудь заканчивается, Джейсон. Вопрос — что мы делаем, пока оно есть.

Он не нашёлся с ответом. Они пошли дальше, и он молчал, пережёвывая её слова. Что мы делаем, пока оно есть. А он всю свою жизнь только и делал, что ждал чего-то — а теперь, когда оно пришло, он боится, что оно уйдёт.

— Пойдём в музей? — предложил он. — Ты говорила, что любишь импрессионистов.

— Говорила. Ты запомнил.

— Я многое про тебя запомнил, — сказал он просто, и она снова улыбнулась той улыбкой, от которой у него внутри всё переворачивалось.

Он запомнил, как она пьёт кофе — мелкими глотками, чуть прищурившись, будто пробует его на вкус каждый раз заново. Запомнил, как она поправляет волосы, когда волнуется — заправляет прядь за ухо, сначала левое, потом правое, и это повторяется каждый раз, когда она говорит о чём-то важном. Запомнил, как она молчит — не напряжённо, а

уютно, как будто молчание с ним — это тоже разговор. Он не говорил ей об этом. Но думал, что если бы у него была возможность записать всё, что он о ней знает, получилась бы книга толще любой энциклопедии.

Они свернули на боковую аллею, где деревья смыкались кронами над головой, образуя живой тоннель. Лора шла чуть впереди, и солнечные пятна ложились на её плечи, скользили по волосам, и Джейсон смотрел на неё и думал: вот она, реальность. Не сон. Не видение. Она идёт рядом, и я чувствую запах её духов, и слышу, как шуршит её пальто, и вижу, как она улыбается, обернувшись через плечо. Это — моя жизнь. И я хочу, чтобы она длилась вечно.

В музее было тихо и полутемно, как в другом мире. Под сводами гуляло эхо шагов — их и ещё нескольких посетителей, разбредшихся по залам; где-то вдали охранник кашлянул, и звук этот прокатился по паркету. Они шли между картин, и Лора останавливалась у каждой, наклоняя голову, — и Джейсону казалось, что сама она интереснее любого полотна. У маленького пейзажа с лодкой на воде она замерла надолго.

— Вот здесь, — сказала она тихо, — я бы жила. Маленький дом у воды, утром туман, вечером — закат. И никуда не надо спешить.

— А люди?

— Какие люди?

— Ну, люди рядом. В этом доме.

Лора посмотрела на него с лукавым прищуром:

— А ты предлагаешь?

Джейсон почувствовал, как вспыхнули щёки, и рассмеялся — от неловкости, от счастья, от всего сразу.

— Может быть, — сказал он. — Может быть, когда-нибудь.

Она взяла его за руку, не глядя, — как будто это было самым естественным в мире, — и они пошли дальше. В зале с импрессионистами Лора вдруг остановилась перед картиной, где на берегу стояли две фигуры — мужчина и женщина, спиной к зрителю, глядящие на море.

— Вот, — сказала она. — Они уже там. Им не надо ничего объяснять. Они просто есть.

Джейсон смотрел на фигуры на холсте и думал, что больше всего на свете хочет оказаться на их месте. Рядом с ней. Просто быть — без слов, без страха, без разделённых улиц и стеклянных стен, которых в этом мире и нет вовсе.

Они вышли из музея, когда уже стемнело, и в прохладном вечернем воздухе Джейсон почувствовал, что держит её за руку — и что никуда не хочет её отпускать.

Они шли по вечерней улице, и город вокруг них жил своей обычной жизнью: витрины светились, пары гуляли, где-то играла музыка. Лора рассказывала о себе — о работе, о том, как любит утро, о том, что мечтает когда-нибудь увидеть океан с другого берега.

— А знаешь, — сказала она, чуть замедляя шаг, — я раньше не верила в такое. В то, что можно просто идти и чувствовать себя... дома. С человеком, которого знаешь неделю.

— А теперь?

— А теперь верю, — ответила она, и в голосе её была та самая тихая искренность, от которой у Джейсона замирало сердце. — Ты странный, Джейсон. Ты ведёшь себя так, будто боишься, что всё это исчезнет. Как будто... как будто ты раньше жил где-то, где такого не бывает.

Джейсон остановился. Он хотел сказать ей правду — что да, он живёт в мире, где такого не бывает. Что её смех, её рука, это вечернее небо — всё это невозможно там, откуда он пришёл. Но он не мог. Не здесь. Не сейчас.

— Может быть, — сказал он тихо. — Может быть, я и правда ждал тебя очень долго. Издалека.

Лора посмотрела на него — внимательно, как будто пытаясь разглядеть что-то за его словами, — и не стала спрашивать дальше. Она просто взяла его под руку, и они пошли дальше, к «Ла Кучина», где их ждали свечи, вино и вечер, который Джейсону предстояло запомнить навсегда.

«Ла Кучина» оказался небольшим итальянским рестораном с тёплым кирпичным сводом, бутылками вина вдоль стен и фотографиями Тосканы в деревянных рамах. За столиком у окна горели свечи, официант принёс меню в кожаной обложке, и Джейсон смотрел на Лору поверх карты вин, чувствуя, как внутри разливается спокойствие, которого он

не испытывал ни с кем и никогда.

Они заказали пасту и бутылку кьянти. Еда была вкусной, но Джейсон почти не замечал её — он смотрел, как она накручивает спагетти на вилку, как прикрывает глаза, пробуя вино, как смеётся, когда он рассказывает историю про то, как они с Аланом пытались собрать робота из того, что нашли в университетской лаборатории, и робот сломал стол декана.

— А что было потом? — спросила она, вытирая губы салфеткой.

— Потом нас чуть не отчислили. Но декан сказал, что мы — «подающие надежды идиоты», и поставил нам автомат за смекалку.

— Подающие надежды идиоты, — повторила она. — Хорошее название для группы.

— Может, назовём так нашу группу крови?

— Нашу группу крови? — она подняла бровь. — У нас уже есть общая группа крови?

— С этого момента — да.

Она рассмеялась, откинувшись на спинку стула, и Джейсон почувствовал, что влюбляется в неё заново — каждую минуту, каждую секунду, каждую улыбку.

После ужина он проводил её до дома. Они стояли у подъезда, под тусклым фонарём, и Лора не спешила уходить. Она смотрела на него, и в глазах её было что-то, что он не мог прочитать — не страх, не сомнение, а тихое, спокойное знание.

— Ты проводишь меня до двери? — спросила она.

— Провожу.

Он поднялся с ней на второй этаж, и они стояли у двери её квартиры, и между ними было расстояние в один шаг, который он не решался сделать.

— Спокойной ночи, Джейсон, — сказала она.

— Спокойной ночи, Лора.

Он повернулся, чтобы уйти, но она взяла его за руку, и он остановился.

— Ты не хочешь меня поцеловать? — спросила она тихо.

Он шагнул к ней, и она сама потянулась к нему, и поцелуй был лёгким, как прикосновение ветра, — но Джейсон чувствовал его ещё час, идя домой по пустым улицам, и улыбался, как мальчишка, который впервые понял, что такое счастье.

Прошла неделя. Они виделись каждый день.

Джейсон просыпался утром и первым делом проверял телефон — не написала ли она. Она писала. Почти всегда. Коротко: «Доброе утро» с котиком, или фотографию облаков за окном, или просто «скучаю». Он отвечал, и день начинался с улыбки, которую невозможно было скрыть от коллег.

Он замечал, как изменился мир вокруг него — нет, сам мир не изменился, изменился он. Работа, раньше поглощавшая его целиком, теперь казалась фоном. Он сидел перед экраном, чертил схемы, писал код, а сам прислушивался к

вибрации телефона в кармане, рассчитывая время до следующего сообщения. Коллеги шутили, что у него, должно быть, роман. Он не отрицал и не подтверждал — улыбался и смотрел на часы.

В среду они встретились после работы у неё. Лора жила в небольшой квартире на втором этаже старого дома, с высокими потолками и лепниной на стенах — наследие прошлого века, которое она отказывалась менять. Кухня была маленькой, но светлой, с окном во двор, заросший клёнами. Лора готовила пасту — у неё получалось вкусно, хотя она делала вид, что не умеет, — а Джейсон сидел на подоконнике с бокалом вина и рассказывал про свой проект.

— Ты понимаешь, что я говорю? — спросил он, заметив её отсутствующий взгляд.

— Нет, — честно ответила она. — Но мне нравится, как ты это рассказываешь. У тебя глаза горят.

— У тебя тоже, — сказал он. — Когда ты говоришь про свою работу. Или про музыку. Или просто так.

Она засмеялась, помешивая соус, и Джейсон поймал себя на мысли, что хочет запомнить этот звук навсегда.

Они поужинали, помыли посуду вдвоём — она мыла тарелки, он вытирал их и ставил на полку, и в этом простом, будничном действии было больше близости, чем в любых словах. Потом они сидели на диване, и она читала ему вслух стихи из старой потрёпанной книги, которую нашла на барахолке, — про море, про дороги, про людей, которые ищут

друг друга. Джейсон слушал её голос, смотрел, как свет лампы падает на её лицо, и думал, что вот оно — счастье. Простое, тёплое, настоящее. Оно не грохочет и не сияет. Оно сидит рядом и читает стихи.

В пятницу они пошли в кино — обычный вечерний сеанс, где пары сидели в обнимку, жевали попкорн и не думали о том, что за стенами их разделяет мир. Фильм был про путешествие через всю страну, и Лора, положив голову ему на плечо, шепнула:

— А давай тоже когда-нибудь поедem. Куда глаза глядят.

— Давай, — ответил он, не раздумывая. — В следующем месяце возьму отпуск.

— Правда?

— Правда.

Она поцеловала его в щёку и уткнулась в плечо, и он чувствовал, как она улыбается, — и внутри у него разливалось то самое тёплое чувство, ради которого стоило жить.

В субботу они поехали к океану. Джейсон вёл машину, Лора сидела рядом, опустив стекло, и ветер трепал её волосы. Она включила музыку — старую, из девяностых, которую он не слышал никогда, — и подпевала, не стесняясь, и Джейсон смотрел на неё и думал: как так получилось, что в этом мире, где всё можно, он встретил именно её? И почему он чувствует, что это чудо — что оно может исчезнуть в любой момент?

Они остановились у смотровой площадки над обрывом.

Внизу шумел океан — бесконечный, синий, живой. Лора облокотилась на перила, глядя вдаль, и сказала:

— Знаешь, я иногда думаю: а что, если это сон? Что, если я проснусь — и ничего этого нет?

— Тогда мы будем спать вместе, — ответил Джейсон, обнимая её сзади. — Чтобы проснуться в одном сне.

Она повернулась к нему, посмотрела в глаза — долго, серьёзно, без улыбки.

— Ты правда так думаешь?

— Правда.

Она поцеловала его — и океан внизу шумел, и чайки кричали, и Джейсон чувствовал, что это — самый настоящий момент его жизни.

Когда они вернулись в город, уже стемнело. Джейсон провожал её до подъезда, и она не хотела отпускать его руку. Стоя под фонарём, в свете, падающем на мокрый после дождя асфальт, она сказала:

— Завтра увидимся?

— Завтра, — ответил он. — И послезавтра. И всегда.

Она улыбнулась и скрылась в подъезде, а он стоял ещё долго, глядя на свет в её окне, и не мог поверить, что такая жизнь — его.

Был обычный ужин в «Ла Кучина» — небольшом итальянском ресторанчике с тёплым кирпичным сводом, бутылками вина на полках вдоль стен и фотографиями Тосканы в

рамах. У окна, за столиком, накрытым белой скатертью, горели свечи в низких подсвечниках; на тарелках — остатки десерта, пара бокалов, полупустая бутылка красного вина, от которой в воздухе разливался терпкий запах. Из зала справа доносилось приглушённое фортепиано, кто-то негромко смеялся за соседним столиком. Разговор не прекращался ни на секунду. Джейсон предложил:

— Хочешь заглянуть ко мне?

Лора помедлила. Она хотела быть ближе к Джейсону, и всё же это было неожиданно. Она посмотрела на него — на его глаза, в которых она видела что-то давно забытое, что-то из другого времени, когда мужчины и женщины могли просто быть вместе.

— Да, почему бы и нет! Хочу увидеть твою берлогу.

— Кстати о берлоге: у меня есть отличный сотерн, шестилетний!

— Это звучит так сладко, что я не могу дождаться.

— А ты — сладкая, дорогая! Пошли!

Они вышли из ресторана в прохладный вечер, и город встретил их огнями. Лора взяла его под руку — легко, естественно, как будто делала это сотни раз, — и они пошли по улице, мимо витрин, мимо других пар, мимо чужого смеха, доносившегося из открытых кафе.

— А знаешь, — сказала Лора, — я ведь давно не ходила вот так. Просто гулять, без цели, с человеком рядом. Всё время куда-то спешу: работа, тренировки, планы. А сейчас

— не хочу никуда спешить.

— И я, — ответил Джейсон, и это была чистая правда. Он не хотел, чтобы этот вечер кончился. Не хотел, чтобы она уходила. Не хотел возвращаться в свою пустую квартиру, где его никто не ждал.

Он посмотрел на неё — на её профиль, освещённый фонарями, на лёгкую улыбку, — и почувствовал, как внутри него что-то тепло и спокойно разливается. Это было то самое чувство, ради которого, как ему теперь казалось, стоило жить. И он боялся только одного: что оно исчезнет, как исчезают сны.

Джейсон открыл дверь и пропустил Лору вперёд. Она вошла в просторную гостиную с современной мебелью: белый кожаный диван, стеклянный столик, книжные полки во всю стену, на которых вперемешку стояли книги и фотографии. Окна выходили на ночные огни города — отсюда, с девятого этажа, открывалась широкая панорама: река, огни мостов, тёмные массивы парков. Джейсон помог ей снять плащ, повесил его у двери. Потом предложил сесть на диван и направился к винному шкафу на кухне.

— Ну вот, твой сотерн и немного голубого сыра, забыл название, — сказал Джейсон, входя в комнату.

Лора стояла у комода, рассматривая его фотографии с друзьями. Он подошёл сзади и протянул ей бокал.

— Попробуй!

Лора вдохнула аромат из бокала и сделала медленный глоток.

ток, наслаждаясь вкусом вина.

— Сладкое, но с таким количеством оттенков — персик, ваниль и горчинка.

— Горчинка — не то слово! Горчинища! — сказал Джейсон.

Они рассмеялись. Лора поставила бокал на столик и посмотрела на фотографии на стене — те, что стояли на комод.

— Это твои родители? — спросила она, кивнув на снимок в рамке.

— Да. Папа был пилотом, теперь на пенсии. А мама... — Джейсон запнулся. — Мы с ней не очень близки. Она живёт в другом городе.

— Ссорились?

— Скорее разошлись. Родители развелись, когда я был подростком. Мама уехала, папа остался. Я остался с папой.

Лора подошла ближе, взяла фотографию в руки — на ней молодой Джордж в форме пилота стоял у самолёта, а рядом, улыбаясь, стояла красивая женщина.

— Ты похож на отца, — сказала она мягко. — Те же глаза.

— Правда? — Джейсон подошёл к ней, встал рядом, глядя на снимок. — Я всегда думал, что больше похож на маму.

— Нет, — Лора покачала головой. — У тебя папин взгляд. Добрый.

Он посмотрел на неё — на её лицо, освещённое тёплым светом, — и вдруг понял, что рассказывает ей вещи, о кото-

рых не говорил никому уже много лет.

— А ты? — спросил он. — Расскажи о своей семье.

Лора поставила фотографию на место, помолчала.

— У меня только мама. Мы с ней вдвоём. Я её очень люблю.

— А отец?

— Его я не знала, — сказала она просто. — Мама никогда о нём не рассказывала. Наверное, так было лучше.

В голосе её не было ни горечи, ни жалости к себе — только спокойная, твёрдая правда. Джейсон взял её за руку.

— Жаль, — сказал он тихо. — Тебе бы не помешал кто-то, кто был бы рядом.

— У меня теперь есть ты, — ответила она, глядя ему в глаза.

Он подошёл ближе, взял её бокал и поставил оба в сторону. Лора посмотрела на него, и они обнялись. Джейсон неловко повернулся и задел один из бокалов. Тот рухнул на пол, разлетелись осколки.

— Чёрт!

— Ничего страшного, — прошептала Лора, прижимаясь к нему теснее. — Не обращай внимания на осколки. Завтра уберём.

Звон стекла показался ей последним звуком этого мира, а потом был только Джейсон — тёплый, близкий, настоящий. И впервые за долгое время она поверила, что такое счастье может длиться дольше, чем один вечер.

Они стояли посреди комнаты, обнявшись, и за окном горели огни ночного города. Джейсон гладил её по волосам и чувствовал, как ровно и спокойно бьётся её сердце — так, будто всё в мире правильно, так, будто так было всегда.

— Знаешь, — сказал он тихо, — я всю жизнь боялся, что счастье — это что-то, что нужно заслужить. Что оно где-то там, за поворотом. А оно — вот. Оно всегда было рядом. Я просто не умел его брать.

Лора подняла голову, посмотрела ему в глаза.

— Тогда бери, — сказала она. — Не отпускай.

Джейсон поцеловал её — нежно, бережно, как будто держал в руках что-то хрупкое и бесконечно дорогое. И в эту секунду мир замер, стал тёплым и золотым, и Джейсону почудилось, что именно так и должна выглядеть настоящая жизнь.

Он чувствовал её дыхание на своей щеке, тепло её тела сквозь тонкую ткань рубашки, её пальцы, переплетённые с его пальцами, и думал о том, что это — единственное, что имеет значение. Не работа, не опционы, не признание коллег. А это: двое, стоящие посреди комнаты, обнявшись, в свете ночного города.

А потом что-то дрогнуло.

Где-то на самой границе сознания, как далёкий гудок, как чужой голос в пустой комнате, — прозвучал звук. Чужой, нездешний, настойчивый.

Лора чуть отстранилась, нахмурилась, будто слышала его

тоже.

— Что это? — спросила она.

— Ничего, — ответил Джейсон, но сердце у него вдруг сжалось. — Наверное, соседи.

Звук повторился — ближе, яснее. И мир начал таять.

Утром, когда будильник вырвал его из сна, Джейсон лежал в кровати и смотрел в потолок, пытаясь удержать ускользающий образ. Она была здесь. Пять минут назад она была здесь — он чувствовал тепло её тела, запах её волос, вкус её губ. А теперь — пустота. Только синий свет жалюзи, только гудение вентиляции, только синий модуль за ухом, который мерно пульсировал, отсчитывая время до следующего пробуждения.

Он закрыл глаза и попытался вернуть её — хотя бы на секунду, хотя бы тенью. Но сон ушёл, оставив после себя только глухую, ноющую тоску, с которой он теперь просыпался каждое утро.

— Я найду тебя, — прошептал он в пустоту. — Я найду тебя, Лора.

Он не знал, что это обещание, данное самому себе в полумраке спальни, станет началом цепочки событий, которая изменит всё.

Глава 2. Синее утро

Мир таял — не сразу, а по краям, как старая плёнка, и Джейсон тянулся к Лоре, к её тёплому плечу, к её лицу, которое начало размываться, — но руки хватали пустоту. Он хотел крикнуть, удержать, но голос не слушался, и тогда звук вернулся — тот самый, чужой, настойчивый, — и превратился в музыку.

Это была та же спальня Джейсона — правда, из-за жалюзи интерьер казался более синим. Здесь всё было почти так же, как в жёлтом сне: та же кровать у стены, тот же комод, те же фотографии, — но свет падал иначе: сквозь опущенные синие жалюзи на пол ложились ровные полосы тени, и комната выглядела холоднее, строже. На стене напротив кровати, под потолком, тускло светилась синяя полоса. Музыка заиграла, компьютерный голос произнёс:

— Пожалуйста, проснитесь. Семь тридцать, как вы заказывали.

— Понял. Выключить.

Музыка стихла.

Джейсон повернулся в кровати на другой бок, открывая глаза. Лоры не было. Он вскочил с кровати, посмотрел на вешалки у двери — пусто. Смущённый, он пошёл на кухню проверить бутылку и бокалы — и не нашёл ничего.

Он стоял посреди кухни в трусах, глядя на пустой стол,

и чувствовал, как холодная реальность вползает в него, вытесняя тепло сна. Вчерашний вечер — вино, свечи, её смех, осколки бокала на полу — всё это было сном. И тот сон казался самой реальностью. Мир перевернулся, и Джейсон не понимал, где иллюзия, а где правда.

Мобильный модуль за ухом замигал синим. Раздалась мелодия звонка, и на голографическом экране умного дома появилось изображение Алана:

— Входящий звонок от Алана.

— Принять.

После щелчка Джейсон сказал:

— Эй, Алан, как дела! Как прошла вечеринка в «Ковбое»?

И как девушки? Стоили того?

— Ты чего, очумел? Какая вечеринка? Сегодня четверг!

Ты вчера головой обо что-то ударился, что ли?

— Ха-ха! Очень смешно! — Джейсон не мог понять, что происходит. Это был сон? Просто сон? Джейсон пожал плечами. Сон...

— Я просто хотел напомнить: мы сегодня встречаемся, как обычно.

— Точно. Я буду. Мне пора. Увидимся.

— Пока!

Алан повесил трубку. Джейсон пошёл в ванную. Проходя мимо экрана, он сказал:

— Включи новости!

Экран включился и начал транслировать записанные но-

вости утра.

Джейсон встал у раковины. Посмотрел в зеркало. Потом умылся, пытаясь смыть ночной сон. Тем временем новости шли, и он слышал:

— Вчера была совершена попытка дестабилизировать ситуацию в стране. Несколько левых экстремистов попытались распространить мощный высокочастотный сигнал, чтобы воздействовать на граждан, вызвать беспорядки и насилие. Полиция и ФБР взяли ситуацию под контроль. Семеро членов преступной группы арестованы. Остаток жизни они проведут в тюрьме без права на контакты и амнистии. Идеолог так называемого Сопротивления Пол Кейси всё ещё в розыске. Выдан ордер на его арест, — сообщил представитель полиции.

Джейсон посмотрел на экран и увидел фотографию Пола Кейси. Спокойное, твёрдое лицо — ему было лет пятьдесят, но в глазах не было ни страха, ни злобы, только странная уверенность человека, который не боится.

— И чего ради они стараются? Разделить общество? Зачем? Включи новости науки.

Экран показал студию с двумя людьми в креслах. За спинами на белой стене висела большая синяя табличка «РОБОСИНТЕХ».

Инженер начал рассказ, будто вопрос задали заранее:

— В 2040–45 годах микропроцессоры развились настолько, что легко могли заменить человеческий мозг. Видеоин-

формация мгновенно обрабатывается и сохраняется в памяти. Память безгранична по сравнению с человеческой. Скорость обработки — несравнимо выше.

Репортёр спросил:

— Процессоры важны, конечно, но из чего сделан сам робот?

— Параллельно с прогрессом процессоров биотехнологии сделали возможным выращивание и регенерацию человеческих тканей и костей. Лабораторные эксперименты ещё не одобрены для использования на людях, но к 2045 году широко применялись в роботах. Энергия производится тем же окислением гликогена в митохондриях. Гликоген вырабатывается внутри тела робота из любой пищи, содержащей углеводы.

— И как процессор заставляет тело двигаться, говорить или, например, смеяться?

— У роботов операционная система электрических импульсов. Сеть полимерных нитей заменяет нервную систему человека. Сеть нитей проходит по тем же каналам в тканях. Управляет сетью центральный процессор в голове. Эта «нервная система робота» отличается от человеческой. Система роботов не может иметь негативного распознавания импульса в мозге на плохой запах или вкус. Это позволяет им использовать в пищу почти что угодно. — Впрочем, если нужно обсуждать с людьми такие вещи, как тонкое вино или высокая кухня, робот с лёгкостью опишет всё это, имея

полную карту человеческих предпочтений.

— Высокая кухня! Боже мой! А может ли этот бот определить, налито в бокале — Шато Петрюс или Романе-Конти? — Репортёр, казалось, веселился, пытаясь поставить инженера в тупик.

— Технически — нет. Большинство людей тоже не могут определить их вслепую. Что бот умеет — так это определить, испорчено ли вино каким-то дефектом. Если вино хорошее, бот может описать все основные и второстепенные качества аромата и вкуса, как средний сомелье.

— У них действительно такая высокая чувствительность?

— У робота очень высокий болевой порог, он подаёт сигналы о помощи только если есть смертельная угроза процессору или всему телу. С другой стороны, у него высокая тактильная чувствительность. В результате, обладая таким широким набором способностей, робот стал совершенной машиной. К 2050 году он начал заменять человеческого партнёра в разговоре, в обсуждениях любого рода — в дегустации вина и еды, в гольфе, танцах — в чём угодно. И наконец, конечно, в сексе.

— Позвольте подытожить. Аналитически и физически робот идентичен человеку или превосходит его. Разница в том, что у людей есть что-то нематериальное — душа, внутреннее сердце с настоящими чувствами, которые невозможно эмулировать процессором робота.

— Вы абсолютно правы. Не думаю, что мы сможем со-

здать души и вложить их в роботов как программу в обозримом будущем.

Оба улыбнулись на этих последних словах. Джейсон усмехнулся и сказал себе:

— Кто знает? Процессор может эмулировать что угодно...

После техношоу началась реклама. Симпатичная смуглая девушка с очаровательным взглядом произнесла свою фразу:

— Океан удовольствия!

Джейсон смотрел на экран и вдруг поймал себя на мысли, что этот «океан удовольствия» — самая точная метафора всего, что случилось с этим миром. Океан — это когда много воды. Много, бесконечно много, насколько хватает глаз. Но вода в этом океане была искусственной, дистиллированной, стерильной — в ней не водилась рыба, не росли водоросли, не было жизни. Она была идеально чистой — и мёртвой. Он смотрел на улыбающуюся девушку на экране и думал о том, что за её улыбкой нет ничего, кроме алгоритма. Ни страха, ни надежды, ни той утренней растерянности, когда просыпаешься и не сразу понимаешь, где ты, а потом вспоминаешь — и улыбаешься, потому что рядом тот, кого любишь. Этого нельзя было запрограммировать. Этому нельзя было научить процессор. Это можно было только прожить.

Убедительный мужской голос за кадром пояснил:

— Наша самая продвинутая модель.

— Лучшие ощущения.

— До двухсот комбинаций параметров.

— Сделай выбор и получи лучшее из возможного!

— Обрети партнёра на всю жизнь!

— Робосинтех — для тебя!

И снова милая девушка-робот пообещала океан удовольствия.

Джейсон выключил экран. «Океан удовольствия», — повторил он про себя, и слово это вдруг показалось ему пустым, как всё вокруг. Он посмотрел на свою руку — ту, что вчера во сне держала чью-то тёплую ладонь, — и сжал её в кулак.

Он стоял в своей кухне, в своей синей спальне, в своём разделённом мире, и думал о том, что только что видел. Двести комбинаций параметров. Идеальная кожа. Безупречная улыбка. И всё это — вместо живого человека. Вместо тёплой ладони. Вместо смеха, который нельзя запрограммировать. Вместо глаз, в которых отражается твоя жизнь.

«Обрети партнёра на всю жизнь», — вспомнил он слоган. Партнёра. Не любовь. Не человека. А машину, которую можно выключить, если она надоест, и вернуть, если станет скучно. Он представил себе, как это выглядит со стороны: человек сидит в гостиной, напротив него — идеальный собеседник, который никогда не спорит, никогда не устаёт, никогда не говорит «нет». Они пьют чай, смотрят телевизор, занимаются сексом — и всё это без единого конфликта, без единой ссоры, без единого момента настоящей, живой неловкости. Джейсон вдруг остро, до боли понял: этот мир не про-

сто разделил людей. Он научил их довольствоваться заменителями. Заставил поверить, что искусственное — это и есть нормально.

А он, благодаря какому-то чуду — или к-волнам, как ска-зали бы в новостях, — узнал, что такое настоящее. И теперь ему было тесно среди этих блестящих подделок.

Он вышел из квартиры, и синий модуль за ухом мягко пульсировал, напоминая: ты дома, ты в реальности, здесь так принято. Но внутри Джейсона уже зрело непослушание — тихое, тёплое, живое, как та ладонь из сна, которую он никак не мог разжать.

Лифт спускался медленно, с привычным гулом, и Джейсон смотрел на своё отражение в зеркальной панели дверей. Он видел мужчину в сером пальто, с аккуратной стрижкой, с синим модулем за ухом, с лицом, которое не выражало ничего, кроме усталости человека, который живёт правильно. Но внутри этого человека, под рёбрами, билось что-то другое — то, что не подчинялось правилам, не признавало границ, не боялось ФГР. Он вышел на улицу, вдохнул сырой утренний воздух и подумал: интересно, что бы сказали коллеги, если бы узнали, что он, ведущий инженер Starex Semiconductors, каждую ночь живёт в другом мире, где держит за руку женщину, которую никогда не встречал в реальности? Назвали бы сумасшедшим. Или, что ещё хуже, — сослались бы на к-волны и прописали Тизекс. А он не хотел лечиться. Он хотел найти её. И он знал только одно место, где это было возмож-

но. Его собственный сон.

Джейсон шёл по улице. Над городом низко висели тучи, и моросил мелкий, нудный дождь — он шелестел по зонтам, стучал по козырькам магазинов, срывался с карнизов на асфальт. По улице, на его стороне, шуршали шины машин, изредка гудел клаксон, эхом отдавались шаги прохожих. Он был недалеко от своего квартала. На углу, на глухой боковой стене старого кирпичного дома, висел огромный плакат. Стена была обшарпанной, в разводах от дождя, кое-где с отслаивающейся краской цвета выцветшей охры — и на этом неровном, пыльном фоне резко выделялся яркий, отпечатанный с фотографической резкостью лист в рост человека. На плакате был Пол Кейси — лицо крупным планом, чуть повёрнутое в три четверти. Морщины у глаз, седые виски, тёмная куртка на молнии, которую он, судя по снимку, носил постоянно. Под фотографией, поперёк всего листа, шла жирная красная строка: «РОЗЫСК» — и ниже, чёрным по белому: «Пол Кейси. Государственный преступник. Вознаграждение за информацию». Внизу мелко — номер горячей линии и предупреждение: «Не приближаться. Считается вооружённым». Мокрый край плаката отставал от стены и хлопал на ветру.

Джейсон остановился. Он смотрел на лицо на плакате — не со страхом, а с любопытством. Этот человек, объявленный врагом государства, выглядел на фотографии как обыч-

ный профессор, которого застали врасплох на улице. В его лице не было ни злобы, ни безумия — только усталость и какая-то спокойная, почти пугающая уверенность. Джейсон постоял минуту, вглядываясь в черты, потом отвернулся и пошёл дальше, но образ остался — въевшийся в память, как запах старой бумаги.

«Человек против государства? Может, он просто сумасшедший!» — Джейсон посмотрел и прошёл мимо. Та сторона улицы, по которой он шёл, была отмечена синей буквой М. Эта синяя буква М, светящаяся ночью неоновым светом, повторялась на каждом углу, в каждом квартале города. Розовые буквы W были на другой стороне улицы, где ходили девушки. Джейсон не мог встретить никого, кроме мужчин, на своей стороне. Магазины на стороне М обслуживали только мужчин. Персонал там тоже был мужским. Офисные здания имели два отдельных входа — для мужчин и девушек: массивные стеклянные двери с синей полосой и розовой полосой, разведённые на расстояние в несколько метров друг от друга. Лифты были размечены так же — М и W.

Он шёл и не мог отделаться от странного чувства: будто только что вернулся из другой страны, где всё было иначе, — а теперь снова здесь, в этом послушном, вылизанном, разделённом мире. Вчера он держал за руку женщину и смеялся в музее. Сегодня он идёт по своей стороне улицы и не имеет права даже взглянуть слишком долго на ту, другую. Словно что-то живое и тёплое внутри него вынули и заменили на ак-

куратный, исправный механизм, который знает, где его место.

Он прошёл мимо витрины магазина мужской одежды, где в стекле отражался он сам — человек в сером пальто, с синим модулем за ухом, с руками в карманах, с опущенной головой. В отражении он увидел своё лицо и не узнал его. Не потому, что оно изменилось. А потому, что он смотрел на себя так, как смотрел бы на незнакомца — со стороны. Этот человек в отражении жил по правилам. Он ходил на работу, платил налоги, не пересекал линию, не задавал вопросов. Но внутри этого человека уже жил другой — тот, который держал за руку женщину из сна, тот, который знал, что мир может быть иным, тот, который больше не хотел молчать.

Джейсон замедлил шаг, пропуская группу мужчин в деловых костюмах, и поймал себя на том, что ищет глазами — нет, не таблички, не линии, а возможность. Возможность, которой в этом мире просто не существовало. Он почти физически ощущал, как реальность давит на плечи, возвращая его к правилам: не смотри слишком долго, не подходи близко, не думай о том, что было во сне.

— Держись своей стороны, — пробормотал он себе под нос старую поговорку из детства, и сам не понял, почему она всплыла сейчас.

На работе всё было как всегда: высокое офисное здание из стекла и стали, мужской вход с синей полосой над дверями, мужской лифт с буквой М на панели, длинные коридоры с

бежевыми стенами и рядами одинаковых кабинетов, в которых пахло кофе и пластиком, коллеги, которые кивали ему при встрече. Джейсон сел за свой стол — лёгкий, на тонких ножках, с двумя голографическими экранами и подставкой под кофе, — включил экраны и посмотрел на код, который писал вчера. Строки расплывались. Он смотрел на них и видел не алгоритмы, а парк, осенние листья, её улыбку.

В кабинет заглянул Майк — коллега, с которым они делили этаж уже четыре года, высокий, вечно с чашкой кофе в руке.

— Блейк, ты с нами? — Майк постучал костяшками по дверному косяку. — У нас совещание через десять минут. Ты вчера ушёл странный, сегодня пришёл ещё страннее. Случилось что?

— Нет, всё нормально. — Джейсон заставил себя улыбнуться. — Недосып.

— Недосып, — повторил Майк, прищурившись, и не поверил, но спорить не стал. — Ладно. Только не слови нам дедлайн, гений.

— Не словлю.

Майк ушёл, и Джейсон остался один перед экраном. Он снова посмотрел на код — и снова увидел не его. Где-то там, за этими стенами, на другой стороне улицы, жила женщина, которой, если верить законам этого мира, для него не существовало. И он не мог думать ни о чём другом.

— Блейк, ты с нами? — спросил кто-то.

— А? Да. Да, конечно.

Он заставил себя работать. Прошёл по отчётам, поправил пару формул, ответил на письма. Но каждые несколько минут его взгляд уходил к окну — туда, где за стеклом, на другой стороне, шла чужая, разделённая жизнь. Джейсон поймал себя на том, что почти ненавидит этот офис, этот вход, эту букву М — всё, что держит его в клетке.

В обед он не пошёл в столовую. Вышел на улицу, купил сэндвич в автомате и сел на скамейку на своей стороне, глядя на серое небо и слушая шум дождя. Сэндвич был безвкусным — пластиковый хлеб, пластиковая начинка, пластиковый мир, в котором он жил. Он ел и смотрел, как по другой стороне улицы идут женщины — кто-то с зонтом, кто-то накинув капюшон, кто-то просто подставив лицо дождю. Он смотрел на них и думал: какая из них ты? Где ты сейчас? Видишь ли ты те же сны, что и я?

Он доел сэндвич, выбросил упаковку в урну и вернулся в офис, так и не заметив вкуса того, что съел.

В обед он вышел на улицу и пошёл по своей стороне, чтобы размяться. И тогда увидел её — силуэт, знакомый до боли.

Он шёл вдоль стен и окон какое-то время. На его стороне улицы витрины были синими по тону — вывески, буквы, полосы на дверях, — и мужчины шли плотным, деловым потоком. На той стороне, за розовыми витринами, было по-другому: светлее, медленнее, с другими магазинами, кафе с кру-

жевными занавесками, салонами красоты. Джейсон взглянул на другую сторону. Среди фигур женщин впереди он заметил знакомый силуэт. Он остановился, не в силах поверить. Мужчины проходили мимо него. Джейсон сделал несколько шагов вдоль её пути, сердце бешено колотилось. Потом он попытался обогнать женщину, чтобы увидеть её лицо. Картины парка, ресторана и его любимой Лоры сменяли друг друга в его голове.

Это не могла быть она. Это не могла быть она, потому что Лора была во сне. Но силуэт — эта походка, этот наклон головы — был до боли знаком.

Джейсон перешагнул линию, нарисованную на краю его зоны движения. Линии шли вдоль обеих зон — мужской и женской, разделяя их. В тот же миг он почувствовал вибрацию и голос из своего модуля:

— Внимание! Вы покидаете мужскую зону!

Джейсон шагнул назад за линию и снова попытался догнать Лору. Ещё несколько шагов... Он почти догнал её, оставалось ярдов десять. Лора повернула к двери ближайшего магазина с табличкой W и вошла внутрь. Джейсон выдохнул. Это была она! И он потерял её!

Он стоял на своей стороне улицы, глядя на дверь магазина, за которой исчезла женщина из его сна, и чувствовал, как мир раскалывается надвое: жёлтый, где она была с ним, и синий, где их разделяет линия.

Вечером ресторан был наполовину заполнен мужчинами. Зал гудел негромким, солидным гулом: звякали приборы, перезвякивали бокалы, где-то в глубине мерно играло радио, и низкие голоса сливались в ровный шум. Кто-то пришёл поужинать, кто-то убить время. Джейсон шёл к друзьям.

С Аланом он познакомился в университетской команде по гольфу. С самого начала они поняли, что во многом похожи. Время, проведённое вместе, хранило множество воспоминаний — спортивные события и экзамены, летние поездки и безумные пятничные ночи. После университета Алан пошёл писателем и репортёром в BCN Media, а Джейсон начал карьеру в Starex Semiconductors. Алан рано стал семейным человеком. Неудивительно, что он воспитывал сына, которому уже исполнилось двенадцать. Через пять лет после выпуска Алан и Джейсон познакомились на какой-то вечеринке с Крисом — парнем помладше, но они как-то подружились. Крис работал в рекламном агентстве и знал каждое публичное место в городе. Развлечения были его страстью. У Алана и Джейсона никогда не было трудного выбора по пятницам. Всё новое и стоящее открывалось им благодаря Крису.

Ресторан был просторным, с высокими окнами, выходящими на вечернюю улицу, с тёмными деревянными панелями на стенах и низкими лампами над каждым столиком, дающими тёплый, домашний свет. По залу сновали официанты — все мужчины, все в чёрных жилетах поверх белых рубашек, — и разговор в зале шёл ровный, мужской, без единого

женского голоса.

Крис, Алан и его сын Кевин сидели за столиком, глядя в меню. Алан, тридцати четырёх лет, был крепким, коротко стриженным мужчиной с добрым лицом и ранними залысинами; в своём неизменном сером пиджаке поверх футболки он выглядел одновременно и репортёром, готовым сорваться по первому звонку, и усталым отцом. Напротив него сидел Крис — моложе, ниже ростом, с вечно взъерошенными тёмными волосами и быстрыми руками, которые двигались даже когда он молчал; одевался он ярко, как-то по-рекламному, и даже сейчас, в ресторане, на нём была клетчатая рубашка с закатанными рукавами и куртка цвета хаки. Между ними, уткнувшись в меню, сидел Кевин — двенадцатилетний мальчик в смешных очках в тонкой оправе, с острыми локтями и серьёзным, не по годам собранным лицом, в котором уже угадывался будущий взрослый человек.

— Посмотри меню и выбери что-нибудь, Кевин. Что будешь пить?

Кевин посмотрел на отца и сказал с озорной улыбкой:

— Две текилы, пожалуйста. Не забывайте, я обожаю эту жгучую!

Алан и Крис рассмеялись. Алан повернулся к Крису и сказал с гордостью:

— Посмотри на него: он уже пять лет говорит по-испански, и в этом году он был лучшим в классе по математике.

— Да, здорово! Джейсон тоже впечатлён Кевином, и кто

знает, может, однажды мы оба пойдём по стопам твоего отца!

— Кстати, когда я сегодня говорил с Джейсоном, он был какой-то странный. Будто потерянный, смущённый. Ты случайно не знаешь, что с ним?

— Понятия не имею, — сказал Крис.

Джейсон вошёл в зал ресторана. Его встретил метрдотель и проводил к столику. Все за столом улыбнулись, заметив его приближение.

— А-а, вот и наш гений идёт!

— Привет, маг!

— Привет, ребята, привет, Кевин! Как дела?

— Нормально, старик!

— Поздравляю, Джейсон! Я слышал, Технологический Совет назвал тебя лучшим в отрасли!

— Да брось, это ерунда. Но спасибо.

Джейсон сел за стол, взял меню, но не читал его. Он смотрел на друзей — на Алана, который улыбался, на Криса, который уже подзывал официанта, на Кевина, который возился с салфеткой, складывая из неё самолётик, — и чувствовал, как между ним и ними вырастает невидимая стена. Не та, что разделяла мужчин и женщин, а другая, более тонкая: стена из секретов, которые он не мог им рассказать. Он хотел сказать им про Лору. Про сны. Про то, что каждую ночь он живёт в другом мире, где всё иначе. Но он молчал — потому что слова звучали бы безумно, а он не хотел, чтобы они смотрели на него как на сумасшедшего.

Алан взял слово:

— Парни, Кевин в пятницу уезжает к бабушке на выходные. Почему бы нам не сходить куда-нибудь?

Крис тут же откликнулся:

— Я знаю новое место, открылось на этой неделе. «Стеклянный куб». Там мешают современные хиты с хитами пяти-шестидесятилетней давности. Лучшие диджеи с восточного побережья. И поверьте, такое нельзя пропустить. Давайте, я уже подтвердил Джиму, что мы придём!

Алан спросил дальше:

— Звучит отлично! Там только мужчины или есть стена для женщин?

— Да, у них оба пространства, с новым разделителем на магнитном поле вместо стеклянной стены.

Джейсон вставил с ноткой раздражения:

— Слушайте, ребята, кто-нибудь знает, почему нас вообще разделили? — Он махнул рукой в сторону знака М у входа. — То есть мы все так живём, и меня это устраивает, но как всё это началось?

Алан многозначительно посмотрел на Криса, вспоминая странный утренний звонок.

Кевин что-то спросил вполголоса, придвинувшись к уху Алана. Алан махнул рукой и указал на вход, будто показывая дорогу. Кевин встал и пошёл в туалет.

С серьёзным лицом Крис ответил:

— Думаю, всё началось с разделения туалетов, — сказал

Крис.

— Да ладно, я серьёзно. Кто знает нашу историю? Алан, как журналист, ты обязан знать.

— О, конечно, знаю, — начал Алан. — 2018 год, бостонское дело. Сексуальные домогательства: три женщины стали жертвами своего босса, который получил пятнадцать лет тюрьмы. Люди вышли на улицы, Партия прав человека объявила забастовку, подняла много шума. Люди требовали разделения полов в офисном пространстве.

— Эта Партия прав человека возникла из ниоткуда. Три процента в 2015-м, пятнадцать в 2019-м, тридцать пять к 2025-му! В 2030-м у партии сорок пять процентов в парламенте. Республиканцы и демократы были много лет двумя противостоящими партиями. ППЧ их здорово подвинула.

— Общественное мнение сначала поддержало полное разделение мужчин и женщин на работе. В 2032 году Закон Уильяма Моргана обязал корпорации иметь отдельные рабочие пространства для мужчин и женщин. Пять лет спустя тот же сенатор инициировал слушания в Сенате о разделении общественных мест — ресторанов, супермаркетов, кинотеатров и так далее. Партия прав человека объявила сексуальные отношения способом эксплуатации свободного человека.

— О да, я помню, — сказал Крис. — Это было, когда один из лидеров партии, психиатр, объяснил, что это своего рода физическое манипулирование, нетерпимое для нормального

человека.

— Кроме того, начал распространяться новый смертельный вирус, неизвестный в истории человечества. К 2035 году было обнаружено около трёхсот тысяч заражённых, сто десять тысяч умерли. Заразиться можно было только при половом контакте. К тому времени промышленность создала настолько продвинутых роботов, похожих на людей, с супербыстрыми процессорами, способных выполнять всю работу по дому, что не составило труда развить их в идеальных секс-партнёров. Бизнес по созданию и производству новых роботов быстро рос. Его двигали компании доставки, которые удваивали продажи частным клиентам каждые полгода. Робосинтех заработал миллиарды. Боты стали неотличимы от людей в поведении. И многие люди говорили, что не видят разницы между отношениями с ботом и с человеком.

Крис вставил:

— У ботов нет чувств. Это единственная плохая вещь, кроме цены! — Он усмехнулся.

— Может быть, но к 2045 году большинство людей жили в одиночестве. Для одиноких стало обычным заказывать персональную доставку бота каждую неделю. В 2048-м мы получили финальную стадию разделения — полный Запрет сексуальных отношений между любыми двумя людьми, включая меньшинства. Для обеспечения Запрета была создана ФГР — Федеральная гендерная разведка. Человек, пытающийся нарушить или нарушающий Запрет, рискует мини-

мум пятью годами свободы.

Все замолчали на мгновение. Кевин вошёл и сел на своё место.

— Почему вы такие серьёзные? О чём вы говорите?

— Мы обсуждаем нашу правовую систему и равные права мужчин и женщин, сынок. Например, у нас равные мужской и женский Сенат, — ответил Алан.

— Тогда почему у нас только один Президент?

— Президента избирают на четыре года. Сейчас это мужчина. Новые выборы будут за женщину-президента, и каждый гражданин имеет право голоса, но выбирать можно только среди женщин. После этого — срок для мужчины. И так далее.

— Понятно.

Алан повернулся к Крису и Джейсону:

— На мой взгляд, у Запрета много положительных сторон. Нет конфликтов в семьях. Нет измен. Нет разводов. Нет той боли, которую, как мы знаем, испытывало много поколений. Если хочешь воспитать сына — обращаешься в Генеральную Репродукционную Корпорацию, и через год у тебя генетически твой собственный ребёнок! То же самое для женщин, которые хотят воспитывать дочерей. Это просто и справедливо, как я это вижу.

Джейсон ответил с усмешкой:

— Точно, справедливо! Ты говоришь как активист Партии прав человека.

— Зачем ты в это лезешь? То есть, с тобой что-то происходит?

— Нет, всё нормально. Просто хотел освежить память. Спасибо, Алан.

— Да, друг, всегда к твоим услугам. Так держать!

Алан дружески хлопнул Джейсона по плечу, улыбаясь.

Но Джейсон не улыбался. Он смотрел на синюю табличку М над входом и думал о женщине из сна, которая вошла в магазин на той стороне улицы. «Справедливо», — повторил он про себя слова Алана, и они показались ему пустыми, как обещание робота. В этом мире не было справедливости. Был порядок. И Джейсон только начал понимать разницу.

— Алан, — сказал он, когда они выходили на улицу, — ты как журналист. Ты веришь, что один человек может изменить что-то в этом мире?

Алан остановился, посмотрел на него удивлённо.

— Станный вопрос для пятничного вечера.

— Просто ответь.

Алан помолчал, глядя на синюю букву М над дверью ресторана.

— Знаешь, я работаю в новостях десять лет. Я видел, как рушатся империи, как падают правительства, как люди выходят на улицы миллионами. И знаешь, что я понял? Всё это начинается с одного человека. С одного, который сказал то, что другие боялись сказать. Не знаю, изменит ли один человек этот мир. Но я точно знаю: без одного человека мир не

изменится никогда.

Джейсон кивнул, и они пошли к машине, каждый думая о своём.

Он вышел из ресторана один, отказавшись от такси, и пошёл пешком по своей стороне улицы. Ночь была тёплой, город гудел привычным размеренным гулом, и Джейсон впервые смотрел на него не как на данность, а как на вопрос.

Бостонское дело. Вирус. Роботы. Запрет. Партия прав человека. ФГР. Всё это он знал и раньше — отрывками, из новостей, из учебников. Но сегодня, слушая Алана, он впервые сложил эти отрывки в одну картину. И в этой картине его собственный мир — мир, где он вырос, — выглядел не естественным порядком вещей, а чем-то построенным. Кем-то построенным.

Он остановился у линии, отделяющей мужскую сторону от женской, и посмотрел на другую сторону улицы. Там, под розовыми буквами W, шли женщины. Они были такими же, как он: ходили на работу, пили кофе, смеялись с подругами. И между ними и им — тонкая линия краски. Линия, которая делила мир надвое. Линия, которую он сегодня почти пересёк — ради женщины из сна.

Джейсон глубоко вздохнул и пошёл дальше. Где-то в глубине его сознания, ещё не оформившись в мысль, уже росло смутное, тревожное чувство: что этот мир — не настоящий. Что где-то есть другой — тот, жёлтый, из сна, — где он свободен. И что, может быть, он сумеет найти туда дорогу.

Он вернулся домой поздно. Квартира встретила его тишиной и привычным порядком — порядком, который вдруг показался ему чужим. Он не стал включать свет. Снял пиджак, сел на диван и долго сидел в темноте, глядя на огни города за окном.

Он думал о Лоре. О том, что она где-то там, на той стороне улицы, спит в своей квартире и не знает, что он существует. О том, что завтра он снова пойдёт на работу, снова будет смотреть на код, снова будет делать вид, что всё в порядке. И о том, что он больше не хочет делать вид.

Когда он наконец лёг в постель, то поймал себя на том, что ждёт сна. Ждёт жёлтого мира. Ждёт её. И когда закрыл глаза, перед ним снова встал парк, осенние листья, и её улыбка — тёплая, живая, настоящая.

В жёлтом мире она ждала его. И там — только там — он был по-настоящему живым.

Глава 3. Двойной сон

Джейсон и Лора снова гуляли по парку. Они разговаривали, Лора улыбалась, глядя на Джейсона. Они, казалось, снова были счастливы, снова вместе. Какой-то странный голос начал тревожить Джейсона. Он повторяется и становится всё яснее:

— Пожалуйста, проснитесь. Семь тридцать, как вы заказывали.

Видения растворились. Джейсон открыл глаза. Синий модуль за ухом пульсировал — реальность.

Он лежал в темноте, слушая, как затихает музыка, и смотрел в потолок. За окном занимался серый рассвет, по комнате расплзались длинные тени от жалюзи. Сердце колотилось, как после бега. Он закрыл глаза и попытался вернуть её образ — парк, солнце, её смех — но сон уже растворился, оставив только глухую тоску, с которой он теперь просыпался каждое утро.

Он заставил себя встать, умыться, одеться. Каждое движение давалось с трудом — будто тело помнило, что совсем недавно держало её в объятиях, и отказывалось возвращаться в этот пустой, разделённый мир. Джейсон посмотрел на себя в зеркало и не узнал собственного лица: серое, измученное, с глазами человека, который каждую ночь теряет что-то драгоценное.

— Так больше нельзя, — сказал он себе. — Я должен понять, что это. Должен найти ответ.

Он вышел из квартиры и направился через город — через синие буквы М, через линии, через стеклянные стены, — к кафе, где его ждал Алан. По дороге он поймал себя на том, что снова смотрит на женскую сторону улицы, ища силуэт, которого там быть не может. Он отвёл взгляд и заставил себя думать о другом.

Джейсон вошёл в кафе и направился к столику, где его уже ждал Алан. Кафе было мужским — как и положено, со своей стороны улицы, с тяжёлым запахом кофе и табака, с официантами-мужчинами, с негромким гулом разговоров, в которых ни разу не прозвучало женское имя. Звонко стучали чашки, шипела кофемашина за стойкой, кто-то листал газету, шурша страницами. Джейсон ловил себя на том, что автоматически сканирует зал — и не находит ничего, что могло бы напомнить ему о вчерашнем сне.

— Привет!

— Как дела, дружище?

Джейсон взял стул и сел. Они попросили официанта принести два кофе и начали разговор.

— Ты как? — спросил Алан, пристально глядя на друга.
— Вид у тебя, честно говоря, как у человека, который не спал неделю.

— Да нормально. Просто хотел с тобой поговорить.

— Весь внимание, друг.

Джейсон помолчал, собираясь с мыслями. Как объяснить другу то, что не укладывается ни в какие объяснения? Что он, взрослый человек, тридцати двух лет, тоскует по женщине, которую видит только во сне, — тоскует так, что настоящая жизнь кажется бледной тенью?

— Странные вещи происходят, — сказал он наконец. — Ты когда-нибудь видел повторяющиеся сны?

— Ага, с тринадцати лет! — засмеялся Алан. — Ты про это, или у тебя что-то другое на уме?

Официант принёс кофе. Алан взял чашку и отхлебнул, наблюдая за другом поверх ободка.

— Нет, Алан. Дело не в этом. Ну, то есть и в этом тоже... Слушай, я вижу женщину, одну и ту же в нескольких снах. У нас отношения. Честно говоря, я влюблён. Каждый раз всё настолько реально, что я не могу понять, что снова в этом сне.

Алан отставил чашку, посерьёзнев.

— Влюблён? — переспросил он. — Во сне?

— Да. Звучит безумно, я знаю. Но там... там всё по-настоящему, Алан. Мы гуляем, разговариваем, смеёмся. Я держу её за руку. И когда я просыпаюсь, у меня внутри такое чувство, будто я потерял что-то живое.

— О, понимаю. Тебе нужен психиатр. У меня были такие сны, и мне выписали таблетки, название уже не помню. Зитекс или... Тизекс. Две недели — и забудешь о своих виде-

ниях. — Алан помолчал. — Странно, что ты не один такой. Я разговаривал с ребятами из нашей группы. Семеро из десяти говорят то же самое.

— Когда ты разговаривал с ребятами?

— На прошлой неделе.

— С понедельника?

— Да, а что?

— Помнишь то объявление, что они поймали группу с какой-то ерундой про высокочастотные волны?

— Да, но ты не думаешь... Да ладно, это не связано. Как ты можешь такое представить?

— Легко. Они действительно создают волны другой природы. Резонансная частота, на которую они нацелены, может быть центром в человеческом мозге. Мозг получает стимуляцию для выработки эндорфинов. Это заставляет человека чувствовать себя влюблённым. Это порождает видения во время сна. Я не могу понять, зачем они это делают.

— Может, это их способ бороться с истеблишментом, — сказал Алан. — Люди возбуждаются, думают о Запрете отношений, о своих ограниченных правах и устраивают бунты?

— Звучит реально. Но почему мы? Я не хочу быть марионеткой в политических играх.

— А с другой стороны, — Алан допил кофе и поставил чашку на блюдце, — если бы не эти волны, ты бы никогда не увидел ту женщину. Ты бы жил как все — работа, пятничные коктейли, робот по выходным. И никогда бы не узнал, что

можно чувствовать иначе. Может, это и есть их цель — не контроль, а пробуждение?

— Слишком красиво, чтобы быть правдой, — ответил Джейсон. — В этом мире красивые вещи обычно оказываются ложью.

— А может, этот мир просто перестал верить в красивые вещи, — сказал Алан. — И поэтому они кажутся ложью.

— Расслабься, Джейсон. По крайней мере, мы приблизились к правде.

— Да, ты прав.

Алан допил кофе и отставил чашку.

— Слушай, а что тебе снится? Ну, кроме этой женщины. Ты вообще помнишь свои сны?

Джейсон задумался.

— Странно. Обычно я почти не помню. А тут... как будто живу там целыми днями. Не обрывками, а по-настоящему, по порядку. Просыпаюсь — и помню всё, до мелочей.

— Как будто это не сон, а вторая жизнь, — подсказал Алан.

Джейсон посмотрел на него внимательно.

— Да. Именно так. Как будто вторая жизнь.

Алан покачал головой.

— Может, тебе и правда стоит к кому-то сходить. Я серьёзно. Если эти сны мешают тебе жить...

— Они не мешают, — перебил Джейсон, и в голосе его прозвучало что-то, чего Алан раньше не слышал. — Они

единственное, что заставляет меня жить.

Алан не нашёлся, что ответить. Он только посмотрел на друга долгим, изучающим взглядом — и, пожалуй, впервые за годы их дружбы увидел в его глазах нечто, чего не понимал.

Джейсон замолчал, глядя в свою чашку. Он не сказал Алану главного: что женщина из сна — не просто лицо, не просто образ, а человек с именем, с голосом, с запахом. Что во сне у них была жизнь — настоящая, целая, невозможная здесь. Как объяснить другу, что Джейсон тоскует по человеку, которого в реальности никогда не встречал?

Джейсон приехал на берег моря, предвкушая крепкие отцовские объятия. Его отец, Джордж, был бывшим гражданским пилотом, теперь на пенсии — высокий, кряжистый мужчина шестидесяти семи лет, с седыми, коротко стриженными волосами, обветренным лицом и большими, натруженными руками, в которых когда-то держал штурвал. Джейсон припарковал машину на обочине, среди редких сосен, и пошёл к берегу. Отец ждал его на скамейке на самом краю пляжа, в лёгкой ветровке поверх клетчатой рубашки, и грелся на солнце, щурясь на чаек. Когда Джейсон подошёл ближе, Джордж встал, и они обнялись.

— Как ты, пап? Сердце не шалит?

— О, никаких проблем! После того как ты нашёл этот новый ритмо-стабилизатор, я о нём забыл! Надеюсь, сердце

у меня ещё есть! Я каждый день гуляю на свежем воздухе. Морской воздух на меня хорошо действует.

Чайки летали вокруг — то выше, то ниже, почти исчезая в воде и снова взмывая, и их крики тонули в шуме прибоя. Волны легко накатывали на песчаный берег, шипя и отступая, оставляя на мокром песке полосы пены; ветер посвистывал в траве на дюнах, шевелил полы одежды. Джордж и Джейсон начали гулять вдоль берега.

— А ты как, сынок? Как работа, как Алан, Крис?

— Ребята в порядке! У Алана Кевин делает большие успехи, — весело сказал Джейсон с ноткой грусти.

— Большой парень и умный!

Они подошли к одной из скамеек и сели.

— С работой всё хорошо. Мы весь год упорно работали над нашим новым проектом. Осталось три месяца, и, надеюсь, это будет маленькая революция в нашей области. Менеджмент дал нам опционы на акции по половине текущей рыночной цены. После того как проект раскроют публике, акции могут вырасти в три-пять раз за год!

— Это пахнет десятью миллионами!

— Как минимум!

Джейсон задумчиво смотрел вперёд.

— Слушай, пап, я иногда думаю о жизни до разделения. Что ты об этом думаешь?

— О, господи!

Джордж взял щепотку песка. Начал сыпать его сквозь

пальцы.

— Мне было двадцать, когда всё это началось, и я многое помню. Было и лучше, и хуже. Мы иногда дрались с парнями из-за девушек. Это была жёсткая конкуренция по сравнению с нынешней корректностью! И были прямые отношения, телефонные звонки, задние ряды в кино, ночные прогулки, разговоры глаза в глаза и запах кожи! Ты даже не представляешь, что мы потеряли после всего этого!

Джейсон ответил вполголоса, но твёрдо:

— Думаю, представляю!

Джордж помолчал и продолжил:

— А потом я встретил твою маму. Она была такая красивая! Мы поженились через пару лет. Тебе повезло родиться до Запрета, сынок. Ты знаешь, что случилось дальше. Партия прав человека распространяла идеи равенства и независимости личности, и однажды мы развелись. Это была ложная идеология! Она всё равно была хорошей матерью... Что-то очень естественное и серьёзное ушло из нашей жизни. Теперь люди заказывают секс-роботов, как молоко или свежую газету! Они не понимают глубины чувств, которые были у нас, когда мужчины и женщины любили друг друга...

Джейсон слушал отца и сквозь слова видел своих маму и папу — молодых и счастливых, осенний парк с фигурой Лоры, идущей к нему, Лору с бокалом вина, рассказывающую о вкусе сотерна. Куда всё это делось?

— Она до сих пор красивая, твоя мама, — сказал вдруг

Джордж, не глядя на сына. — Я видел её на прошлой неделе. Случайно. Она шла по своей стороне улицы, а я — по своей. Мы остановились, посмотрели друг на друга сквозь разделительную линию. Знаешь, что она сказала?

Джейсон молчал.

— Она сказала: «Здравствуй, Джордж». И всё. Через десять лет молчания — просто «здравствуй». А я стоял и не мог вымолвить ни слова. Потому что между нами была не только линия на асфальте, сынок. Между нами была целая жизнь, которую мы не прожили вместе.

Джордж смахнул песок с ладони и посмотрел на сына долгим, внимательным взглядом.

— Я тебе вот что скажу. Многие в этом мире уже не помнят, как это — любить по-настоящему. Родились в этом разделении и считают его нормой. А ты — помнишь. Ты родился до Запрета. Ты знаешь, как это — когда человек тебе дорог, когда ты готов ради него на всё. Не теряй этого, Джейсон. Что бы ни случилось.

— Пап, — спросил он тихо, — а если бы у тебя был выбор — вернуть всё это, разрушить разделение, но ценой того, что тебя объявят врагом государства, если не удастся? Ты бы сделал это?

Джордж долго молчал, глядя на море. Потом сказал:

— Я старый, сынок. Мне нечего терять, кроме воспоминаний. Но ты — молодой. У тебя впереди жизнь. Не трать её на то, чтобы жалеть о том, чего нет. Ищи то, что есть.

Джейсон смотрел на отца, на его седые волосы, на руки, которые когда-то держали штурвал, а теперь сжимали трость, и думал о том, что этот человек — единственный, кто понимает его без слов. Отец тоже жил в разделённом мире. Отец тоже потерял любовь. Но он не сдался — он просто ждал, когда появится тот, кто сможет сделать то, что не смог он.

— А ты бы пошёл за мной? — спросил Джейсон. — Если бы я решил бороться?

Джордж посмотрел на него — долго, внимательно, и в глазах его блеснула влага, которую он не пытался скрыть.

— Я бы пошёл за тобой хоть на край света, сынок. Ты же знаешь.

— Знаю, пап. — Джейсон сжал его руку. — Я знаю.

Они ещё долго сидели на скамейке, глядя, как солнце опускается к воде, и каждый думал о своём. Чайки кричали над волнами, и Джейсону вдруг показалось, что и они разделены — что их крики не встречаются в небе, а разлетаются в разные стороны, как две половины одного голоса.

— Пап, — сказал Джейсон, когда они уже подходили к машине. — А ты помнишь, как впервые встретил маму?

Джордж остановился. Посмотрел на сына — и в глазах его мелькнуло что-то, чего Джейсон не видел давно: тепло.

— Помню, — сказал он. — Это было в парке. Она читала книгу на скамейке, и я подошёл спросить, что она читает. Она подняла голову, посмотрела на меня — и я пропал.

— И что было дальше?

— Дальше была жизнь, — Джордж усмехнулся. — Мы гуляли, ссорились, мирились, ходили в кино. Я водил её на танцы, хотя не умел танцевать. Она смеялась надо мной, но каждый раз надевала самое красивое платье. А потом родился ты. И я понял, что счастье — это не когда всё правильно. Счастье — это когда есть ради кого просыпаться по утрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.